

**ДМИТАРЪ ЯКШИЊЪ И ТРИ ТАТАРИНА
КОДЪ БЛАТНЕ РЪКЕ.**

(Конаць.)

Текъ што -й Дмитаръ до два савладао,
Ал' с' и треѣа Ђида навадила.
Баѣи Ђида копљъ убонто,
Баѣи Ђида на Србскогъ витеза,
Незгоди га гдѣ окомъ намену,
Но у лѣву руку у мишеве,
Те му здере мише одъ шуваче.
Плану Митаръ кано оганъ живий,
Баѣи копљъ на тогъ Татарина,
Татаръ схвати копљъ убонто,
И преби га на двое на тров.
Потегеше мале коврдине
Татаръ бѣе Дмитра одъ Якшиѣа,
Просѣца му свилу и кадиву,
И везеву на нѣму кошулю,
А изъ свиле црна крвца врца,
И комади одлеѣую меса.
Митаръ бѣе Ђиду Татарина,
Ал' му немож' юнакъ досадити,
На нѣму е до три панѣира,
Побратиме! еданъ свр' другога.
Када виѣе Дмитаръ одъ Якшиѣа,
На невѣри гдѣ ѣе погнути;
Баѣи мача у зелену траву,
Па с' Татару подъ саблю подвлачи;
Лѣвомъ га за саблю ухвати,
А десницомъ за бѣлу гушу,
Обори га на земљицу црну,
Колнко му крви жеданъ беше,
Одъ лотине зубима га закла. —
Па предъ краля оде Владислава,
Побратиме, съ Фатимомъ ѣевојкомъ,
Полюби га у skutъ и у руку,
А краљъ иѣга у чело юначко,

Па му наче 'вако говорити:
„Живѣ ми бѣо Маѣарска катано,
Жив' ми бѣо и веселио се,
Вино пио а Татаре бѣо,
Како данасъ тако и до вѣка.
Ты с' се данасъ показ'о Маѣарски,
Трону си цигли савладао,
А предъ двѣе силовите войске,
И вратио жао за срамоту.
Тебе чинимъ данасъ начеликомъ,
И одъ едногъ града командантомъ.“
Насмѣя се лѣвый бркъ Якшиѣу,
Па онъ оде смѣрно говорити:
„„Хвала краљу на лѣпоме дару,
И високомъ твоѣе благослову;
Я цемаримъ данасъ оли сутра,
Свѣтлый краљу, за те погнути,
Но ти с' молимъ и любимъ ти руку,
Любимъ тебе у skutъ и у руку,
Прости данасъ твоѣе грѣшномъ слуги,
Ере самъ ти врло сагрѣшио:
Я нѣсамъ рода Маѣарскога,
Нит' я есамъ Маѣар-катанія:
Но самъ Србинъ соя господскога,
А именовъ Дмитаръ одъ Якшиѣа,
Я немого руге подносити,
Меѣ' двѣе войске, а одъ Татарина!“
И све рече ка што се десило; —
„„Имамъ доста чести и поштѣня,
А у мога Павла побратима;
Прости мени пресвѣтлый краљу,
И даруй ми твоѣе благослова
Мени краљу, и мојой Фатими,
Којоно самъ на мейдану стек'о,
На мейдану али за юнаштво,
Съ благословомъ нѣногъ родителя.“ —
„Ты л' си Мито десно мое крило,
А како ти небы опростио,
Када си ми образъ освѣтлао;

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

Чуешь Дмитре, Богъ те свагарь чуо!
 Чуешь Мито мой пернатый штите,
 Дико моя свагда на дивану,
 Бритка сабля увѣкъ на мейдану,
 И крѣпости межу войводама,
 Да си меня полу сатр'о войске
 И единца мога уморю,
 Опеть бы ти данасъ опростю.⁴
 После рече двѣ принети сабля,
 А коване у сувоме злату,
 Обе Дмитру о бедру обеси:
 „Най ти Дмитре обе бритке сабля,
 Ты ей носи, съ пѣвма се поноси,
 Некъ си раванъ съ Павломъ Бранковиѣмъ,
 И у части и у достоинству,
 Као што си раванъ у юнаштву.“ —
 Па с' окрену Маѣар-катани!
 „Зазоръ некъ вамъ буде и срамота,
 Некъ вамъ црни образъ на дивану,
 На дивану предъ саміемъ Богомъ,
 Као што вамъ данасъ на мейдану,
 На мейдану а предъ своіомъ браѣомъ!
 Ев' живъ примѣръ епле и юнаштва,
 Одъ юнака Дмитра одъ Якшиѣа;
 Ништ' невреди хвалит' се юнаштвою
 Предъ женама край топле вуруне,
 Но ѣугати, а дѣломъ казати.“ —
 После оде у бѣла шатора,
 Дмитаръ оде своме побратиму,
 Побратиму Павлу Бранковиѣу. —
 Мало было ништа нестануло,
 Отидоше граду Темишвару,
 Ту сѣдоше пити ладно вино,
 Вино пяти и сѣтовати се,
 Како ли ће разбити душмана.
 Ютромъ рано Дмитаръ уранию,
 Узо Фату за бѣлу руку,
 Па е води у бѣлу цркви,
 Прекрести е по нашемъ закону,
 Лѣпо юй е име наденуо,
 Одъ Фатиме Милици кретю;
 И вѣнча е себи за любовцу,
 Оведе е своме бѣломъ двору,
 Па е любя кадъ годъ се пробуди!! —
 Давно было браѣо и господо!
 Давно было садъ се спомнило
 Якшиѣево име и презиме,
 Да познамо, кой юштъ незнамо,
 Кой знамо, да се обѣстимо,
 Кое быо Якшиѣъ Дмитриѣ,
 Ко л' князь Паво, ко ли знай Вукъ Деспотъ,
 Ко ли наши дѣди и прадѣди,
 Шта л' радише, шта ли починише!

Текъ пѣвамо, да се огледамо!
 Србинъ правый своме владцу вѣранъ,
 Како одуре, тако и данаске!
 Србинъ скокомъ куда владаць окомъ:
 И дай Боже! да се увѣкъ може! —
 Одъ мен' пѣсма, а одъ Бога здравля,
 Свакоему брату Ришканину;
 Кой пѣчуе, Богъ д'о да дочуе,
 А тко чуе, на часть нека му е!!! —

Аркадіе І. Ниволиѣъ.

ЖИВОТЬ НАРОДА.

Чланакъ

Людевита Штура.

(Изъ IV-те кнѣжке Кола.)

Вели се, да ништа нейма дражіе одъ жи-
 вота. И то е цѣла истина. Животъ свачему
 дае бытность, или другимъ рѣчма: безъ живота
 ништа небыва; odporъ живота е смръть, гдѣ све
 престае, гине и пада. Но животъ е двоякій, тѣ-
 лесный и душевный. Првый стои у задоволяваню
 потреба природны, други у испунаваню потре-
 ба духовны. Оба та живота цунымъ се правомъ
 сматраю за пайвеѣе добротинце. Кадъ се при-
 ятель пріятельствомъ озивля, чуешь рѣчи:
 „живъ и здравъ“ и „честитъ и среѣанъ да си!“
 Првымъ желимо коме дугій животъ по тѣлу,
 другимъ по духу, т. е. желимо му, да име нѣ-
 гово и сурвременымъ нѣговымъ мило и драго бу-
 де, те и у потомака у лѣпомъ и драгомъ спо-
 мену да остане. Животъ е дакле оно, за чимъ
 сви тежимо, и што намъ найвише угаѣа.

Но и зато банъ оно само, што живи, што
 животъ има, занима насъ и нашу ца себе обра-
 ѣа позорность. Радо се обазиремо за несташ-
 номъ скачуѣомъ и играѣомъ се дѣчиѣомъ; ра-
 до се загледамо у лица пува живости; миле су
 намъ забаве и дружтва; ербо видимо да се свудъ
 туда креѣе животъ. Напротивъ нису намъ по во-
 лѣи дѣца млитава и укочена; нерадо видимо ли-
 ца изстроѣена; мучно намъ е кадъ опазимо мрт-
 вило онде, гдѣ бы могао да буде животъ. Оду-
 рава намъ се мртвило, смуѣенимъ почима оба-
 зиремо се по развалинама шѣгдашнихъ велико-
 лѣпны зграда, ерѣ свудъ е туда живота несташ-
 ло, свуда видишъ ца пѣвма знаке смрти. И у
 природи само се радуемо надъ животою. Па
 тко да се нерадуемъ лѣтвомъ добу, тво ми да се
 нежалости на всеиъ ли зиму. Милица е погле-

дати на зелено и разнымъ цвѣтемъ накинѣно и нацараано полѣ. Красно е видѣти кадъ шумѣ и горе потераю и залистаю. Са жалосчу на противъ тога блуде очи по опадаюшемъ лишѣу, и съ нѣкимъ неугоднымъ осѣнанѣмъ носимо погледъ по земљи пустой, и снѣгомъ застртой. Двоакій (као што рекосмо) влада на свѣту животь: природный и духовный. Гдѣ првый мѣсто заузети може и заузимлѣ, онде насъ онъ и весели: а гдѣ се другій указати има и указуе, онде е природный животь само природный, а нашу позорность поглавито на себе обраћа животь духовный. У читавой природи нейма другога живота до природнога, и само размнива (фантазія) пѣсникова види у нѣой габанѣ духовно. Но и у истой природи само насъ животь нѣзинѣ т. е. растенѣ и плоденѣ занима. Све другачіе то стои съ човечанствомъ. Само се у човечанству показуе животь духовный, и ту онъ особито мѣсто заузимлѣ. По томе животь духовный ако упадне у природный и тѣлесный, малу цѣну заслужуе, паче гдѣ онъ у свой своіой силѣ ступи, и животь духовный потире и тлачи, такавъ намъ се животь посве одурава и противи. Човечанству е другій животь намѣнѣнъ; а то е животь духовный, кои управъ зато, што е намѣнѣнъ само човечанству, човечанскимъ га животомъ назвати можемо, као што се доиста и назива.

У чему дакле стои животь духовный, животь людскій човечанства? У свему ономъ, што духъ ствара, што у нѣму коренѣ и почетакъ има. Стои дакле у вѣрозакону, умѣтностима, законима, реду државномъ и т. д. И будући да е духъ одъ Бога, и у човека као човека онај темель, кои га надъ сва остала створеня далеко узвышуе, зато га господаромъ одъ себе и свѣта чини. И животь е тай одъ природнога већій, узвышеніи, човечанства достойніи и пристойніи. Животь природни и у човека и у животинѣ еднакъ е. И животиня башъ као и человекъ еде, пиѣ, спѣва, ходи, плоди се и т. д. Природни е ле животь човека јоште е звѣрскій, низкій, одъ онога т. е. духовнога живота много простіи и съ нѣимъ сравнити се немогућій. Има народа, кои у овомъ вышемъ животу, у правомъ животу людскомъ участія нису имали, нити имаю. Народѣ те називамо сурове и нарварске. Овакови народи находе се у станю дѣтинскомъ, те су съ недостатка духовнога живота као и дѣца освоени природнымъ животомъ. Сваколика и свагдашня нѣюва брига врти се око тѣла, или ако башъ оу лѣности и

не гнѣю, а они се съ другима народима потячу и бію. Да у тима народима ніе было јоште вѣре (какве іймъ драго, ма и поганске), небы на себи осимъ людске приликѣ ништа човечіе имали. Али досада ніе се јошъ нашао народъ безъ какве такве вѣре. А у овой вѣри е за цѣло сачувана искрица духовности и у найсуровіимъ и найзапуштенимъ народяма. Тимъ показую народи ови побочно мѣсто одъ людскога живота. У осталомъ сасвимъ су занемарени и запуштени. Изъ тога узрока, што у природномъ животу овакови народи гнѣю, влада у нѣима вѣчна еднообразность живота, ербо у тѣлесномъ животу, каогодъ и у природи, све се едно те едно сбыва: люди се рађаю, живу, умираю, па опетъ рађаю, одранюю и враћаю опамо, одкудъ су и дошли. Или ако се каква промѣна у животу таковы народа и появи, то небыва съ нѣгове волѣ, већъ на силу природе. На примѣръ: народъ се сели съ еднога мѣста на друго; а зашто? ербо му онде или ране нестает, или га другій ячій нападне и т. д. Исклучена е дакле изъ живота оваковы народа властита и слободна воля, и управъ зато овакови народи у исторіи мѣста немаю, будући у исторію спадаю дѣла и чини т. е. плодови слободне и властите волѣ. Овакови народи могу се само описати, али о нѣима што приповѣдати т. е. нѣюву исторію списати ніе могуће. Немогу они имати исторіе съ узроча онога, съ кобга ю ни природа нейма, већъ само природописъ, гдѣ се животь нѣинъ (природѣ) свагда едноличанъ и безволянъ изписуе.*) Народѣ таковы има и сада у Асиі, а особито у Америци, Африци доста. Огромне ове три стране свѣта (у Африци изузимаюћи сѣверне и сѣверо-источне краеве) есу землѣ неисторичке, землѣ одъ вышега живота людскога пуста. И у Америци животь већій, историчкій тежъ е у новія времена започео, а пре тога было е као и у Африци све дивлѣ и пусто. Асија земля е подоста историчка, али е има и доста, гдѣ јошъ никакво веће ніе засвѣтило усиляванѣ людско. Зато такове неисторичке землѣ, будући да у нѣима никаква знака духу нема — духу за човечанство заузетомъ, духу штованѣмъ за свако выше усиляванѣ люд-

*) „Istoria naturalis“ рѣчь е сасвимъ неваллава и неспретне, и морала бы да се именуе „descriptio naturae“, као што то већъ и Нѣнци свои „Naturgeschichte“ замињу са „Naturbeschreibung“. Мы имамо добру рѣчь „природописъ“.

ско разиграномъ — нити никога за собомъ привлаче, осимъ любителя и изытателя природе и природности. Шатобрианъ тужио е за Америкомъ само ради њне простране и красне природе, славио ю само ради њне простране самоће; и дошавши къ њной прислушкивао е съ отайношћу срда шапатъ вѣтрова дувајући по пустиняма и горама огромнимъ, и обимао стародавне растове прабрда Индиански. Но путникъ на изтоку свлачио е обућу и скидао капу предъ мѣстомъ светымъ, да бы му штованъ свое изказао, и да небы на землю свету непристойно ступио.*)

*) Съ тога самогъ узрока нека пишта, што бы насъ на пољу и на селу занимати могло, изванъ ако тражимо тишину или утѣху у равной красоти. Али насъ занима свако оно мѣсто, гдѣ се налазе знаци и билге

Народи неисторички, будући да се пису къ вѣнемъ животу людскомъ уздигли, но само се сѣ тѣлеснымъ сплели, не само што пису кадри се бе самосталне одржати, већъ пису ни у став опирати се дуго просвѣћенимъ и ячимъ одъ се бе народима, већъ гину и само ѡймъ се имен спомини, као да су снаге животне и сасвимъ лшени были. Слабо е тѣло, кадъ се почне мррити съ духомъ. Слабъ е животъ тѣлесный прма духовноме. (Далѣ слѣдуе.)

вышегъ каквогъ усиливая людскогъ, гдѣ се био какава за родъ важанъ болякъ, или гдѣ какавъ почива слава и мужъ. Занимаю насъ та мѣста, што су се туда ракретали, трап или натѣцали големи духови.

Примѣтка писцоца.

С М Ъ С И Ц Е.

ДОПИСЪ ИЗЪ ВАРШАВЕ.

... Показат-ху Вамъ само те кнѣге, кое су не давно изишле, а по печемъ су примѣчательне. У Руской литературы почело се много появлявати любопытны сачинѣния и саставака, по струци Руеке исторіе. Д. Соловѣвъ, профессор Руске исторіе у Московскомъ универитету издао е: „*Исторія отношений между русскими князьями Рюрикава дома.*“ (Москва. 1847.) У овой разправи главна положеня не задоволяваю, и доста мене имаю. Спсательу вѣрава, да добро разреѣнога періода ніе было, *Монголскога или Татарскога* періода такође, да су назыви ти несправедливи и даю неврно понятіе о характеру наше старе исторіе. — Лѣтописи наши доказую противо. —

Керченскія Древности. О Пагиканейской катакомбѣ, украшенной фресками. (Одесса. 1847.) У овомъ сачинѣнію има много извѣстія о старинама Грчки босфорски населбина, за кое до-сада археолози ансу знали.

Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новогорода съ Голландомъ и Любекомъ. Сочиненіе М. Славянскаго (Ст. Петербургъ. 1847.) Тко е позвать са списаніями Сармориуса и Ланненберга, тай неће ништа ново наћи у овой кнѣзиз.

Санскритская Антологія. Изданіе Павла Петрова. (Казань. 1847.) Г. Петровъ спада међу прве

познавателѣ Санскритскога языка у Европѣ. За време свога путовања онъ се познао съ Боинномъ и Ласеномъ, те е разсмотріо и прочитао найзнаменитѣ Санскритске кнѣжнице. Онъ е сада на катедри Санскритскога языка у Казанскомъ университету.

(Далѣ слѣдуе.)

КОЛИКО ИМА ВЛАХА?

Часописъ Влашкій „*Foaie pentru minte, inimă și literatură*“, т. е. Листови за душу, срце и кнѣжевность, изплазећи у Брашови у Транзилваніи, наводи у овогодишнѣмъ 31. броју число своіо своіо родника овако:

	Душа.
У Турской Влашкой	2,500.00
„ Молдавіи	1,500.00
„ Бесарабіи	1,000.00
„ Транзилваніи	2,250.00
„ Банату, Чанадской, Бихарской, Сатмарской и Мармарошкой жупаніи, и у Буковини	2,000.00
	Свега 8,250.00

НОВА КНѢИГА.

Рат за Српски језик и Правопис. Написао Б. Дашкичъ. У Будимѣ у штампарији Пеиштанскогъ университета 1847. — На 8-ку, стр. 63.

Учредникъ Милошъ Поповиѣ.

Издано и печатано у Правителственой Книгопечатни у Београду.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА